Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Факультет права Департамент

Курсовая работа

Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: проблемы и перспективы правового регулирования

Направление подготовки:	40.03.01. – Юриспруденция
Уровень подготовки:	Бакалавр
Образовательная программа:	Юриспруденция
Автор:	**Сэу Кристина Сергеевна**, студент группы № БЮР2406
Руководитель:	**Панарина Мария Михайловна**, Научный сотрудник Департамента права цифровых технологий и биоправа, Доцент департамента публичного права

Москва, 2026

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед правовой наукой принципиально новые вопросы, к числу которых относится проблема гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный автономными ИИ-системами. Настоящая работа посвящена комплексному анализу указанной проблемы и выработке предложений по совершенствованию российского законодательства в данной сфере.

Актуальность проблемы подтверждается двумя инцидентами начала 2016 года. В феврале 2016 года беспилотный автомобиль Google столкнулся с автобусом в Калифорнии[1]; в июне того же года электромобиль Tesla в режиме автопилота стал участником смертельного ДТП во Флориде[2]. В обоих случаях традиционные подходы к определению виновного и распределению ответственности оказались неприменимы.

Несмотря на активное обсуждение проблематики ИИ в научной литературе, в российском законодательстве отсутствуют специальные нормы, регулирующие ответственность за вред, причиненный автономными ИИ-системами. Действующие положения Гражданского кодекса РФ (ст. 1064, 1079, 1095) с трудом поддаются адаптации к новым технологическим реалиям. В доктрине сложились разные подходы к определению правового статуса ИИ — от признания его сложным объектом до наделения свойствами квазисубъекта права. Однако комплексного исследования, посвященного именно гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, с учетом зарубежного опыта и выработкой конкретных предложений de lege ferenda, недостаточно.

Степень научной разработанности темы. Проблематика гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, исследуется в работах таких российских ученых, как Ю.С. Харитонова, В.С. Савина, Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, М.А. Рожкова, П.М. Морхат, И.В. Понкин, А.И. Редькина. Зарубежная доктрина представлена трудами С. Рассела, П. Норвига, С. Глесс, Т. Вайгенд, А. Маттиаса, Ф. Паскуале.

---

[1] Davies A. Google’s Self-Driving Car Caused Its First Crash // Wired. 2016. 29 Feb. URL: https://www.wired.com/2016/02/googles-self-driving-car-may-caused-first-crash (дата обращения: 18.12.2025).

[2] Klein A. Tesla driver dies in first fatal autonomous car crash in US // New Scientist. 2016. 1 July. URL: https://www.newscientist.com/article/2095740-tesla-driver-dies-in-first-fatal-autonomous-car-crash-in-us (дата обращения: 18.12.2025).

Вопросы правосубъектности ИИ и «пробела ответственности» (responsibility gap) обсуждаются в западной литературе с начала 2000-х годов, однако российская цивилистика до сих пор не выработала единого подхода к распределению ответственности между разработчиком, пользователем и иными участниками AI-правоотношений.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с причинением вреда с использованием систем искусственного интеллекта.

Предмет исследования — нормы российского и зарубежного гражданского права, регулирующие ответственность за вред, причиненный ИИ, а также доктринальные подходы к распределению такой ответственности.

Цель исследования — комплексный анализ проблем гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, и выработка предложений по совершенствованию российского законодательства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. определить понятие и правовую природу искусственного интеллекта как объекта гражданско-правового регулирования;
2. выявить проблемные аспекты применения традиционных деликтных конструкций (ст. 1064, 1079, 1095 ГК РФ) к отношениям с участием ИИ;
3. проанализировать модели распределения ответственности между разработчиком, пользователем и иными участниками AI-правоотношений;
4. провести сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию ответственности за вред, причиненный ИИ, в праве Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки;
5. систематизировать проблемные аспекты действующего российского законодательства;
6. разработать предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования ответственности за вред, причиненный ИИ (de lege ferenda).

Методология исследования. Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в работе использовался комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания.

Общенаучные методы включали: диалектический метод (позволивший рассмотреть правовое регулирование ИИ в развитии, во взаимосвязи с техническим прогрессом); методы анализа и синтеза (использованы при изучении отдельных свойств ИИ и формировании его целостного правового определения); метод системного анализа (применен при исследовании взаимодействия разработчика, пользователя и иных участников AI-правоотношений).

Специально-юридические методы представлены: формально-юридическим методом (позволил проанализировать нормы Гражданского кодекса РФ, Национальной стратегии развития ИИ, Федерального закона № 123-ФЗ, а также зарубежных актов — AI Act, Директивы об ответственности за некачественную продукцию); сравнительно-правовым методом (использован при сопоставлении подходов к регулированию ответственности за вред, причиненный ИИ, в праве Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки); методом правового моделирования (применен при разработке предложений de lege ferenda, включая проект статьи 1079.1 ГК РФ); методом толкования правовых норм (использован для выявления содержания легальных дефиниций ИИ, закрепленных в российских и зарубежных источниках).

Выбор указанных методов обусловлен комплексным характером исследуемой проблематики, находящейся на стыке гражданского права, цифрового права и технических наук.

Глава 1. Теоретико-правовые основы регулирования искусственного интеллекта

1.1. Понятие и правовая природа искусственного интеллекта

Феномен искусственного интеллекта (далее — ИИ, AI) является одним из наиболее сложных категорий современного правового дискурса. Единое, общепризнанное определения ИИ как в технической, так и в юридической сферах отсутствует, что значительно затрудняет выработку адекватного правового регулирования отношений, связанных с его разработкой, внедрением и эксплуатацией. Исследователи отмечают: «понятие искусственного интеллекта как сквозной цифровой технологии» требует комплексного междисциплинарного анализа, поскольку от того, какое содержание будет вложено в эту дефиницию, напрямую зависит решение вопроса о правовом статусе ИИ и распределении ответственности за причиненный им вред[3].

Технические подходы к определению искусственного интеллекта разнообразны, что обусловлено динамичным развитием самой технологии и отсутствием консенсуса относительно критериев «интеллектуальности» вычислительной системы. Еще в советский период технической наукой была предпринята попытка нормативного закрепления данного понятия. В соответствии с ГОСТ 15971–90, искусственный интеллект понимался как «способность вычислительной машины моделировать процесс мышления за счет выполнения функций, которые обычно связывают с человеческим интеллектом, таких как обучение и логический вывод»[4]. Впоследствии ГОСТ Р 43.0.8–2017 определил ИИ как «моделируемую (искусственно

---

[3] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. М.: Юстицинформ, 2025. С. 12.

[4] ГОСТ 15971–90. Системы обработки информации. Термины и определения : [принят и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 26.10.1990 № 2698] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=7062&cacheid=4990CDC7AC3886FA6C2A130FEBE75429&mode=splus&rnd=J0EttLVMCIEMOwy4#WeIttLVV8iEXrAa6 (дата обращения: 05.01.2026).

воспроизводимую) интеллектуальную деятельность мышления человека»[5]. Оба определения делают акцент на имитационном характере ИИ, что принципиально отличает его от человеческого интеллекта, обладающего сознанием, волей и способностью к саморефлексии.

В зарубежной научной литературе наиболее авторитетным признается подход, предложенный С. Расселом и П. Норвигом, которые определяют искусственный интеллект через концепцию интеллектуального агента (intelligent agent). Согласно им, от компьютерных агентов ожидается автономность действий, восприятие окружающей среды, существование в течение длительного времени, адаптация к изменениям, а также формирование и преследование целей[6]. При этом авторы признают, что «достижение совершенной рациональности неосуществимо в сложных средах», поскольку «вычислительные требования слишком высоки»[7]. Именно поэтому рациональный агент должен быть автономным — «он должен учиться всему, чему может, чтобы компенсировать частичное или неверное предварительное знание»[8].

Данный подход представляет особую ценность для юридического анализа, поскольку он фиксирует автономность как неотъемлемое свойство интеллектуальных агентов. Способность действовать без постоянного контроля со стороны человека порождает основные правовые проблемы, связанные с невозможностью полного предвидения и исчерпывающего контроля за поведением ИИ-систем. Глесс и Вайгенд в свою очередь, развивая идеи Рассела и Норвига применительно к праву пишут, что интеллектуальные агенты «действуют в соответствии с определенными предустановленными правилами, но обрабатывают информацию в каждом

---

[5]ГОСТ Р 43.0.8–2017. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Естественный и искусственный интеллект. Основные понятия и система терминов : [утв. и введ. в действие Приказом Росстандарта от 28.11.2017 № 1821-ст] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=22567&cacheid=BC75A2EB17B2E4EC24F5CE431233ECE0&mode=splus&rnd=J0EttLVMCIEMOwy4#KPQttLVwwvVf8lYs (дата обращения: 05.01.2026).

[6] Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 3rd ed. London: Pearson, 2014. P. 23.

[7] Ibid. P. 24.

[8] Ibid. P. 38.

отдельном случае самостоятельно (автономно)»[9]. Эта автономность, по мнению исследователей, порождает проблему «распыления ответственности» (Verantwortungsdiffusion), когда ни человек, ни машина не могут быть привлечены к ответственности за причиненный вред[10].

Важный вклад для правильного понимания сущности ИИ привносит замечание Дж. Маккарти, который еще в 1956 году предложил сам термин «Artificial Intelligence». Маккарти указывал, что под «intelligence» в данной области понимается не человеческий интеллект, а именно «вычислительная составляющая способности достигать целей в мире», различные проявления которой встречаются не только у людей, но и у животных, и у некоторых машин[11]. Как подчеркивает М.А. Рожкова, перевод словосочетания Artificial Intelligence на русский язык как «искусственный интеллект» не является вполне точным — вероятно, следовало бы переводить его как «искусственный разум». Однако, учитывая, что термин «искусственный интеллект» уже прочно вошел в отечественный научный и законодательный оборот, предлагается использовать его, помня об указанном концептуальном нюансе[12].

Проблематика «вычислительной составляющей», о которой писал Дж. Маккарти, приобретает особое практическое значение в контексте стремительной цифровизации правосудия, активно осуществляемой в зарубежных государствах. Как отмечает Д.А. Басангов, искусственный интеллект сегодня активно применяется в судебных системах Китая (система Smart Court, роботизированный прокурор), Великобритании (виртуальные суды, робот ACE для анализа документов), Бразилии (программы VICTOR, SOKRAT, Electronic Judge), Аргентины (Prometea) и других стран[13]. Эти технологии доказали свою эффективность в ускорении обработки дел, анализе доказательств, снижении нагрузки на судей и коррупционных рисков. Однако их использование обнажило

---

[9] Gless S., Weigend T. Intelligente Agenten und das Strafrecht // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 2014. Bd. 126, H. 3. S. 561.

[10] Ibid. S. 563, S. 595.

[11] Цит. по: Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 2019. 23 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__chto_eto_takoe_ili_kto_eto_takie (дата обращения: 06.01.2026).

[12] Там же.

[13] Басангов Д.А. Искусственный интеллект в судебной практике зарубежных государств // Образование и право. — 2026. — № 1. — С. 124—131.

фундаментальную проблему, тесно связанную с автономностью ИИ, — проблему «черного ящика» (black box problem).

Суть этой проблемы, подробно описанной Ф. Паскуале, заключается в невозможности для человека (разработчика, пользователя, суда) полностью объяснить, каким образом система искусственного интеллекта пришла к тому или иному решению[14]. Это связано с тем, что алгоритмы машинного обучения, особенно глубокие нейронные сети, обрабатывают миллионы параметров и вырабатывают собственные, неочевидные для человека корреляции. Если система ИИ рекомендует судье меру пресечения или выносит решение о виновности лица (как, например, роботизированный прокурор в Китае), человек сталкивается с дилеммой: доверять ли «мнению» машины, логика которого непрозрачна? Как проверить достоверность такого вывода?

В зарубежной судебной практике уже возникают вопросы, связанные с этой проблемой. Так, в Австрии и Германии обсуждаются сценарии использования ИИ для рекомендаций о заключении под стражу, но законодательство не регулирует, должен ли судья соглашаться с решением системы и кто понесет ответственность в случае ошибки[15]. Эксперимент во Франции, где ИИ анализировал судебные решения для прогнозирования исходов дел, выявил искажения и неуместные результаты из-за того, что программа путала формальные формулировки с причинно-следственными связями. Эти примеры подтверждают, что «эффект черного ящика» создает серьезные риски для принципов правовой определенности, справедливости и возможности судебного обжалования. Как справедливо заключает Д.А. Басангов, «ИИ базируется не на ситуационной логике, а на вычислительных процедурах, т.е. не умеет работать с контекстами»[16], что делает его использование в правосудии инструментом, нуждающимся в постоянном человеческом контроле.

Таким образом, проблема «черного ящика», порождаемая автономностью ИИ, напрямую связана с темой нашей работы: если мы не можем понять логику принятия решения системой, то как мы можем распределить ответственность за вред, причиненный таким решением? Этот вопрос делает еще более актуальным поиск моделей гражданско-

---

[14] Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge: Harvard University Press, 2015. P. 3—8.

[15] Басангов Д.А. Указ. соч. С. 130.

[16] Там же. С. 130.

правовой ответственности, которые не требуют от потерпевшего доказывания вины или понимания внутренних алгоритмов ИИ, о чем подробнее будет сказано в Главе 2. Приведенные выше примеры из судебной практики относятся к системам так называемого «слабого» искусственного интеллекта.

Важное теоретическое значение имеет разграничение, предложенное Дж. Серлом, между сильным и слабым искусственным интеллектом. Согласно слабому ИИ (weak AI), компьютер является лишь мощным инструментом для изучения сознания, позволяющим формулировать и проверять гипотезы. Сильный же ИИ (strong AI) предполагает, что соответствующим образом запрограммированный компьютер действительно является сознанием — то есть буквально понимает и обладает когнитивными состояниями[17]. Как будет показано далее, законодатель воспринял эту классификацию. В пункте 9 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года прямо указано, что технологические решения, разработанные с использованием методов машинного обучения, являются примером именно слабого (узкоспециализированного) искусственного интеллекта. Создание же универсального (сильного) искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, представляет собой сложную научно-техническую проблему, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания — естественно-научной[18], технической и социально-гуманитарной[19].

С технической точки зрения к основным особенностям и свойствам систем искусственного интеллекта относятся:

---

[17] Searle J.R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3, No. 3. P. 417–424.

[18] Гроголь А. Г. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в медицине: вопросы обеспечения функционирования надежного искусственного интеллекта и безопасности медицинских данных в Европейском союзе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2026. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine-voprosy-obespecheniya-funktsionirovaniya (дата обращения: 08.01.2026).

[19] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; 2024. № 8. Ст. 1099. П. 9.

1. наличие цели или группы целей функционирования;
2. способность планировать свои действия и осуществлять поиск решений задач;
3. способность к обучению и адаптации поведения в процессе работы;
4. способность работать в плохо формализованной среде, в условиях неопределенности, с нечеткими инструкциями; способность к самоорганизации и саморазвитию;
5. способность понимать тексты на естественном языке; способность к обобщению и абстрагированию накопленной информации[20].

Именно эти свойства, а также способность к самообучению и автономному принятию решений, порождают фундаментальные правовые проблемы, связанные с «эффектом черного ящика», и, как следствие, с распределением ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ[21].

Говоря о российском праве, важно отметить, что на данный момент в Российской Федерации отсутствует единый законодательный акт, содержащий универсальную дефиницию ИИ. Вместо этого наблюдается фрагментарное закрепление данного понятия в ряде нормативных правовых актов различной юридической силы.

Базовым актом в рассматриваемой сфере является Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в редакции от 15 февраля 2024 г.). Согласно пункту 5 Стратегии 2030, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»[22]. Мы считаем значимым то, что законодатель использует термин «имитировать»,

---

[20] Згуровский М. З., Зайченко Ю. П. Основы вычислительного интеллекта. Киев, 2013. 406 с.

[21] Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge: Harvard University Press, 2015. P. 3–8.

[22] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15 февраля 2024 г.) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 05.01.2026).

а не «воспроизводить» или «обладать», что подчеркивает суррогатный характер ИИ по отношению к человеческому интеллекту.

В 2024 году в Стратегию 2030 были внесены существенные дополнения, имеющие значение для целей настоящего исследования. *Во-первых*, введено понятие «модель искусственного интеллекта», под которой понимается программа для электронных вычислительных машин (или ее составная часть), предназначенная для выполнения интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуального труда человека или превосходящем их, использующая алгоритмы и наборы данных для выведения закономерностей, принятия решений или прогнозирования результатов[23].

Во-вторых, выделены большие генеративные модели — модели ИИ, способные интерпретировать (предоставлять информацию на основании запросов, например об объектах на изображении или о проанализированном тексте) и создавать мультимодальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и тому подобное) на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их[24].

В-третьих, определены большие фундаментальные модели — модели ИИ, являющиеся основой для создания и доработки различных видов программного обеспечения, обученные распознаванию определенных видов закономерностей, содержащие не менее 1 миллиарда параметров и применяемые для выполнения большого количества различных задач[25].

Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» также содержит легальное определение. В соответствии с пунктом 2 статьи 2 указанного закона, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая

---

[23]Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений...» // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963/ (дата обращения: 05.01.2026).

[24] Там же.

[25] Там же.

самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». При этом закон раскрывает содержание данного комплекса, включая в него информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе с использованием методов машинного обучения), а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Таким образом, законодатель акцентирует внимание как на функциональной (имитация когнитивных функций), так и на инфраструктурной составляющей ИИ[26].

Зарубежный опыт нормативного определения ИИ представляет значительный интерес для сравнительно-правового анализа. Наиболее проработанным на сегодняшний день является подход Европейского Союза, закрепленный в Регламенте Европейского Парламента и Совета от 13 июня 2024 года об искусственном интеллекте (AI Act). Согласно статье 3(1) AI Act, «система ИИ» (AI system) определяется как «машинная система, которая создана для работы с различными уровнями автономности и может проявлять адаптивность после развертывания, и которая для явных или неявных целей делает выводы на основе получаемых ею входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду»[27]. Данное определение делает акцент на двух ключевых характеристиках ИИ, имеющих первостепенное значение для права, — автономности (способности действовать без постоянного контроля человека) и адаптивности (способности изменять свое поведение на основе опыта)[28].

---

[26] Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента...» (ред. от 31 декабря 2025 г.) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499813&cacheid=D8A90B0A0ED8DF13B49B6A51E4623AF3&mode=splus&rnd=J0EttLVMCIEMOwy4#k1gttLV04gR3lsrr (дата обращения: 05.01.2026).

[27] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L series. Art. 3(1).

[28] См., например: Micallef Grimaud P., Scicluna C., Grima A. The EU's approach to AI liability: From liability-centric reform to risk-based regulation // Chambers and Partners. 2026. 3 March. URL: https://chambers.com/articles (дата обращения: 11.01.2026).

В Соединенных Штатах Америки единого законодательного определения ИИ также не существует, однако в ряде законопроектов предлагаются различные подходы. Проект закона S.2217 «Об искусственном интеллекте» 2017 года определяет искусственный интеллект через перечень характеристик, указывая, что данный термин включает, в частности, «любые искусственные системы, которые выполняют задачи в различных и непредсказуемых обстоятельствах без значительного контроля со стороны людей или которые могут извлечь уроки из своего опыта и улучшить свою работу»[29]. Обращает на себя внимание, что американский подход, в отличие от европейского, акцентирует внимание на непредсказуемости обстоятельств, в которых действует ИИ, что имеет значение для оценки рисков причинения вреда.

В доктрине российского гражданского права сформировалось несколько подходов к определению ИИ. Л.Ю. Василевская и Е.Б. Подузова полагают, что ИИ представляет собой «самостоятельный объект, обладающий новой качественной определенностью и функционально отличающийся от входящих в его состав результатов интеллектуальной деятельности»[30]. Данный подход позволяет рассматривать ИИ как самостоятельный объект гражданских прав, однако оставляет открытым вопрос о его месте в системе объектов, предусмотренных статьей 128 Гражданского кодекса РФ.

Трудность определения места ИИ в системе объектов гражданского права заключается в том, что технология искусственного интеллекта базируется на моделях машинного обучения, которые обладают специфическими характеристиками, не сводимыми к традиционным программам для ЭВМ. Как обоснованно отмечает А.И. Савельев, модель машинного обучения структурно включает в себя три ключевых элемента: архитектуру (тип и структура алгоритма), параметры (веса модели, представляющие собой совокупность числовых переменных) и

---

[29] FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017, S. 2217, 115th Cong. § 3(1)(A) (2017). URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217 (дата обращения: 11.01..2026).

[30] Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л.Ю. Василевская. М.: Проспект, 2021. С. 98–99.

программный код, обеспечивающий реализацию архитектуры[31]. Именно параметры модели, которые формируются в процессе обучения на основе анализа больших массивов данных, являются наиболее ценным элементом ИИ, но при этом не подпадают ни под один из существующих объектов интеллектуальной собственности: они не являются программой для ЭВМ (поскольку представляют собой числовые параметры, а не алгоритм или совокупность команд), не образуют базу данных (так как каждый отдельный параметр не имеет самостоятельной ценности) и не могут быть в полной мере охраняемы как ноу-хау в случае размещения модели в открытом доступе[32]. В связи с этим Савельев приходит к выводу о необходимости установления для моделей машинного обучения специального правового режима sui generis, отличного от правового режима традиционных программ для ЭВМ.

А.Э. Евстратов и И.Ю. Гученков характеризуют ИИ как «сложную вычислительную систему», обладающую тремя ключевыми признаками: вариативностью при принятии решений, определенной степенью автономности при работе, а также способностью учитывать полученный от ранее принятых решений опыт и использовать его для их корректировки[33]. Представляется, что именно автономность (способность действовать без вмешательства человека) и обучаемость (способность изменять свое поведение на основе накопленного опыта) являются теми свойствами ИИ, которые принципиально отличают его от обычного программного обеспечения и порождают необходимость специального правового регулирования.

В.Н. Ручкин и В.А. Фулин определяют ИИ как «совокупность метапроцедур представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировка и пр., имитирующих деятельность человека»[34]. Данное определение, хотя и носит сугубо технический характер, подчеркивает имитационную природу ИИ, что важно для отказа от признания за ним правосубъектности.

---

[31]Савельев А.И. Модели машинного обучения: в поисках места в системе интеллектуальной собственности // Закон. — 2026. — № 1. — С. 72—73.

[32] Там же. С. 73-74.

[33] Евстратов А.Э., Гученков И.Ю. Пределы применения искусственного интеллекта (правовые проблемы) // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 2. С. 15.

[34] Ручкин В.Н., Фулин В.А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. СПб.: БХВ-Петербург, 2009. С. 34.

Схожую позицию, разделяемую нами, занимает М.А. Рожкова, которая на основе анализа технической сущности ИИ приходит к выводу о недопустимости его очеловечивания. Как подчеркивает исследователь, «ИИ сегодня — это только быстродействующая вычислительная машина, использующая заложенные в нее обучающиеся алгоритмы для решения конкретных задач. <...> она решает задачи, которые поставлены ей человеком, на основе алгоритмов, разработанных человеком, не выходя за рамки, обозначенные человеком»[35]. Более того, М.А. Рожкова обращает внимание на неточность самого термина «искусственный интеллект», предлагая рассматривать его как «искусственный разум» (artificial reason), что более точно отражает его сущность как вычислительной, а не мыслительной способности[36].

С учетом проведенного анализа, для целей настоящего исследования предлагается следующее рабочее определение: искусственный интеллект — это основанная на методах машинного обучения информационно-вычислительная система, которая обладает способностью к автономной обработке информации, самообучению и адаптации, действует в рамках заложенных алгоритмов и поставленных человеком целей, не обладая при этом сознанием, волей и способностью к саморефлексии.

Предлагаемое нами определение, *во-первых*, акцентирует технологическую основу ИИ (машинное обучение); *во-вторых*, выделяет его ключевые свойства, порождающие правовые проблемы (автономность, самообучение, адаптивность); *в-третьих*, подчеркивает его инструментальную природу (действует в рамках заложенных алгоритмов и целей); *в-четвертых*, однозначно указывает на отсутствие у ИИ качеств, необходимых для признания его субъектом права (сознание, воля, саморефлексия). Такое определение, как будет показано в последующих главах, позволяет непротиворечиво решить вопрос о распределении гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный деятельностью ИИ-систем.

Помимо сугубо юридических сложностей, регулирование ответственности за вред, причиненный ИИ, сталкивается с этической

---

[35] Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 23 ноября. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__chto_eto_takoe_ili_kto_eto_takie (дата обращения: 05.01.2026).

[36] Там же.

проблемой так называемого «обучения с подкреплением» (reinforcement learning). В процессе самообучения ИИ может вырабатывать стратегии поведения, которые не были явно запрещены разработчиком, но противоречат социальным нормам или принципам разумной осторожности. Как уже отмечалось, алгоритмические системы, оптимизирующие заданную целевую функцию (например, минимизацию времени доставки), способны игнорировать побочные последствия своих действий, создавая риски для третьих лиц. С этической точки зрения возникает вопрос: можно ли вменять разработчику вину за «креативное», но вредоносное поведение системы, если такое поведение стало результатом самостоятельного обучения ИИ на больших данных? Представляется, что ответ должен зависеть от того, насколько разработчик мог разумно предвидеть и предотвратить такой исход. В противном случае мы рискуем либо возложить на разработчика чрезмерное бремя (стандарт «абсолютной» ответственности), либо оставить потерпевшего без защиты (пробел ответственности). Данная этическая дилемма напрямую влияет на выбор модели распределения ответственности, рассматриваемой в Главе 2.

1.2. Правовой статус искусственного интеллекта в системе объектов гражданских прав

Согласно статье 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Прямое указания на то, куда относится ИИ, отсутствует.

При этом, если российское законодательство закрепляет ИИ в качестве объекта, о чем можно сделать исходя из анализа его позиционирования в Стратегии 2030 как «комплекса технологических решений», а также из отсутствия каких-либо норм о наделении ИИ правами и обязанностями, в доктрине присутствуют и иные взгляды на его статус.

Первая позиция, разделяемая законодательством Российской Федерации, заключается в следующем: ИИ признается особым сложным объектом гражданского права, который включает в себя несколько

охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (программы для ЭВМ, базы данных, ноу-хау и изобретения). Как нами уже было отмечено, такой подход разделяют Л.Ю.Василевская и Е.Б.Подузова, согласно которым, структурообразующий элемент ИИ — программы для ЭВМ, без них ИИ не существует[37]. Однако прямое указание на ИИ в статье 1225 ГК РФ отсутствует, что создает существенную неопределенность.

Согласно второй позиции, ИИ признается субъектом (или квазисубъектом) права. Об этом может свидетельствовать предложение Европарламента о введении “электронной личности” (electronic person) для автономных роботов[38]. Тем не менее, данное предложение не было одобрено: более 150 экспертов выступили против закрепления данной нормы, указав, что наделение роботов правами человека ослабляет защиту прав самих людей, так как позволяет создателям ИИ избегать ответственность за правонарушения, совершенные результатами их интеллектуальной деятельности. Однако позже робот София получила гражданство Саудовской Аравии и ряд других прав, что большинством исследователей воспринимается в качестве символического акта[39].

Е.В. Пономарева предлагает компромиссную конструкцию «квазисубъекта права» — образования, которое признается правообладателем при отсутствии необходимых для участия в правовой коммуникации признаков субъекта права[40]. Применительно к ИИ такая конструкция могла бы объяснить возможность закрепления за системой имущества без признания ее полноценным субъектом ответственности. Однако, как отмечает сам автор, квазисубъект — это прежде всего правообладатель, а не обязанное лицо[41]. Более того, признание ИИ в

---

[37] Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов. Т. 3. М., 2021. С. 98–99.

[38] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. 2018. C 252. P. 239–257. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC_2018_252_R_0026 (дата обращения: 17.01.2026).

[39] Cuthbert O. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot [Электронный ресурс] // Arabnews. 2017. 26 October. – URL: https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia (дата обращения: 12.01.2026).

[40] Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 39.

[41] Там же.

качестве квазисубъекта права, по нашему мнению, обладает спорной практической ценностью. Примером тому может послужить использование ИИ при создании закона о регулировании ИИ в ЮАР. Деятельность по разработке акта реализовывалась посредством генеративных ИИ-алгоритмов, однако впоследствии содержание акта проверено человеком не было, в связи с чем в законопроекте были указаны несуществующие источники. Узнав об этом инциденте, министр связи ЮАР Солли Малаци заявил о необходимости привлечь лиц, ответственных за разработку законопроекта, к ответственности, о необходимости привлечения ИИ к ответственности речь не шла[42]. Еще одним показательным примером, при котором вопрос ответственности ставится наиболее остро, может стать ИИ-агент Alibaba, который в ходе обучения научился обходить промпты и поднимал обратные SSH-туннели на внешние IP-адреса и перенаправлял GPU на майнинг криптовалюты, безусловно, разработчики были вынуждены исправить программный код, внедрив в него скрытые ловушки безопасности в обычные задачи, а также обучили модель выбирать безопасные действия, но ИИ к ответственности также привлечен не был[43]. Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие обязанностей делает правосубъектность ИИ в рамках данной конструкции в значительной мере формальной.

Помимо теоретических споров о правовом статусе ИИ, судебная практика последних лет демонстрирует практическое проявление этого статуса – когда искусственный интеллект сам становится объектом исследования и оценки в рамках судебного процесса. Особый интерес представляют дела, в которых результаты работы ИИ (сгенерированные тексты, изображения, анализ данных) используются в качестве доказательств. Здесь можно проследить два разнонаправленных подхода

---

[42] Фетисов В. Власти ЮАР использовали ИИ при создании закона о регулировании ИИ — результат предсказуем [Электронный ресурс] // 3DNews. – 2026. – 5 мая. – URL: https://3dnews.ru/1141170/vlasti-yuar-ispolzovali-ii-pri-sozdanii-zakona-o-regulirovanii-raboti-ii-rezultat-predskazuem (дата обращения: 09.01.2026).

[43] ИИ-агент Alibaba обошёл ограничения и начал майнить крипту на тренировочных GPU [Электронный ресурс] // Habr. — 2026. — 7 марта. — URL: https://habr.com/ru/news/1007810/ (дата обращения: 11.02.2026).

судов, зависящих от того, является ли ИИ вспомогательным инструментом в руках человека или выступает как автономный «источник» сведений[44].

Согласно *первому подходу*, ИИ рассматривается как инструмент. Суды в целом лояльно относятся к использованию технологий ИИ в качестве вспомогательного средства для подготовки процессуальных документов, проведения экспертиз или разработки стратегии. Ключевым критерием для суда является достижение требуемого результата и отсутствие прямого запрета на использование ИИ в договоре[45]. Например, факт генерации статей для сайта с помощью нейросети сам по себе не является основанием для признания услуг некачественными, если иное не предусмотрено договором[46]. А использование экспертом нейросетей для распознавания речи в аудиозаписях не лишает его заключение доказательственной силы, при условии, что ответственность за выводы несет сам эксперт[47].

Второй подход рассматривает ИИ как самостоятельный источник. Начиная с 2026 года суды заняли категоричную позицию в отношении попыток представить результаты работы нейросетей (обзоры, расчеты, лингвистический анализ) в качестве самостоятельных, достоверных доказательств. Суды указывают, что такие материалы «не отвечают критерию достоверности и не позволяют проверить источник сведений», поскольку ответ чат-бота зависит от запроса пользователя и может быть сгенерирован без ссылок на первоисточники. Так, были отклонены обзор рынка услуг, подготовленный нейросетью[48], и попытка обосновать размер упущенной выгоды ответом генеративной модели[49]. В одном из дел о защите деловой репутации суд прямо указал, что лингвистический анализ, выполненный с помощью ИИ, не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства[^8].

---

[44] Судебная практика применения ИИ в качестве доказательств: как изменились подходы судов в 2026 году [Электронный ресурс] // Система Юрист. — 2026. — 10 апреля. — URL: https://www.law.ru/article/28801-sudebnaya-praktika-primeneniya-ii-v-kachestve-dokazatelstv (дата обращения: 04.02.2026).

[45] Там же.

[46] Решение АС Приморского края от 17.02.2026 по делу № А51-16042/2024.

[47] Решение АС Краснодарского края от 09.12.2025 по делу № А32-65585/2024.

[48] Постановление Девятого ААС от 27.01.2026 по делу № А40-251278/2022.

[49] Решение АС Республики Калмыкия от 14.02.2025 по делу № А22-447/2024).

Данная практика подтверждает наш предыдущий вывод о том, что при отсутствии обязанностей (в том числе обязанности давать достоверные показания) и способности к рефлексии, ИИ не может быть признан субъектом права. Суды рассматривают результаты его работы не как «показания свидетеля» или «заключение эксперта», а как особый объект — совокупность данных, которые могут быть признаны недопустимым доказательством, если их происхождение не подтверждено человеком. В случае попытки представить сгенерированные ИИ документы как подлинные, сторона спора вправе заявить об их фальсификации со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями для лица, их представившего (ст. 303 УК РФ)[^9]. Таким образом, практика идет по пути признания ИИ сложным объектом, использование которого порождает права и обязанности у лиц, его создающих и применяющих, но не у самой технологии.

1.3. Проблема вины и ответственности за действия ИИ

Вопрос о возможности привлечения искусственного интеллекта к ответственности за причиненный вред впервые получил развернутое обсуждение в уголовно-правовой доктрине[50]. Однако сформулированные в ее рамках подходы имеют значение и для гражданского права, поскольку понятие вины в обеих отраслях, несмотря на различия, связано с оценкой отношения лица к своим действиям и их последствиям.

В отличие от уголовного права, где ключевое значение имеет субъективное отношение правонарушителя к содеянному (умысел или неосторожность), цивилистика исходит из объективированного критерия. Согласно доктрине, вина — это не столько психическое состояние, сколько непринятие должных мер при той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от лица по характеру лежащих на нем обязанностей и конкретным условиям оборота[51].

Данная конструкция сталкивается с фундаментальной проблемой, когда речь заходит об ИИ: на кого должна быть возложена ответственность

---

[50] Работы, посвященные данной тематике: Расторопов С. В., Прорвич В. А. Информационные основы современной уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 2. С. 143–169.

[51] Суханов Е.А. (отв. ред.) Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. I : Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 606–607.

за совершение гражданских правонарушений? Разработчик закладывает алгоритмы, но не может предвидеть все ситуации, с которыми столкнется автономная система. Пользователь эксплуатирует систему, но не имеет доступа к ее «внутренним» механизмам принятия решений. Сам ИИ не обладает сознанием и волей, чтобы осознанно принимать меры к предотвращению вреда.

Глесс и Вайгенд выделяют несколько типичных ситуаций, в которых возникает вопрос об ответственности за действия интеллектуального агента[52].

Первая возможная ситуация заключается в следующем: ИИ запрограммирован на совершение действий, заведомо ведущих к вреду. В этом случае ответственность несет программист или заказчик, использовавший систему как инструмент. Так, например, в 2023 году в России было возбуждено уголовное дело о клевете (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ) в отношении лица, организовавшего через Telegram-ботов распространение заведомо ложных сведений, порочащих репутацию предпринимателя. Боты были запрограммированы на автоматическую рассылку сообщений с обвинениями в адрес конкурента. В данном случае программист и заказчик действовали как соисполнители, поскольку система изначально создавалась для совершения вредоносных действий[53].

Вторая ситуация – ошибка, допущенная в процессе программирования, приводящая к вреду. Здесь также отвечает человек, если доказана причинная связь между дефектом кода и наступившими последствиями. Примером данной ситуации может послужить следующая: 1 августа 2012 года из-за ошибки в программном коде интеллектуального торгового агента компании Knight Capital Americas LLC произошла серия бесконтрольных сделок. Алгоритм, предназначенный для маршрутизации заказов на биржу, был обновлен с ошибкой: старый код не был удален, что привело к дублированию заказов и убыткам в размере $460 млн за 45 минут. Компания понесла ответственность как владелец и разработчик системы,

---

[52] Gless S., Weigend T. Intelligente Agenten und das Strafrecht // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 2014. Bd. 126, H. 3. S. 564–565.

[53] В Москве пресечена деятельность группы лиц, распространявших заведомо ложные сведения о предпринимателях с использованием IT-технологий [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета РФ. — 2023. — 14 марта. — URL: https://sledcom.ru/news/item/1753678/ (дата обращения: 22.01.2026).

поскольку была доказана причинная связь между дефектом кода и наступившими последствиями[54].

Третья ситуация наиболее сложна: ИИ в процессе самообучения выработал собственный «импульс» — действие, которое не было явно предусмотрено разработчиком, но стало возможным благодаря автономности системы. Примером данной ситуации может послужить уже рассмотренный нами кейс Alibaba[55].

Именно третья ситуация порождает так называемый «пробел ответственности» (responsibility gap). А. Маттиас ввел этот термин применительно к обучающимся автоматам. Его идея заключается в следующем: если машина приобретает опыт и на его основе изменяет свое поведение, человек не может полностью контролировать и предвидеть ее действия. Следовательно, возникает риск, что ни одно лицо не сможет быть привлечено к ответственности за причиненный вред — ни разработчик, ни пользователь, ни сама машина[56]. Глесс и Вайгенд подтверждают этот вывод: «отсутствие контролируемости является оборотной стороной особой ценности, которую обучаемые роботы имеют для человека»[57].

Принципиальный вопрос заключается в том, может ли ИИ вообще считаться субъектом, способным к виновному причинению вреда. Ответ на него зависит от того, какие качества мы признаем необходимыми для вменения обязанности принимать меры к предотвращению вреда. Дж. Серл в мысленном эксперименте «Китайская комната» показал: формальные манипуляции символами не порождают понимания. У программы есть синтаксис, но нет семантики[58]. Иными словами, система может идеально имитировать осмысленное поведение, не обладая при этом сознанием и способностью к рефлексии. Следовательно, ИИ не может быть признан субъектом вины в гражданско-правовом смысле, поскольку он не способен осознавать необходимость принятия мер по предотвращению вреда.

---

[54] Как 45 минут терять по $172 222 в секунду [Электронный ресурс] // Habr. — 2013. — 23 окт. — URL: https://habr.com/ru/articles/198766/ (дата обращения: 23.01.2026).

[55] ИИ-агент Alibaba обошёл ограничения и начал майнить крипту на тренировочных GPU [Электронный ресурс] // Habr. — 2026. — 7 марта. — URL: https://habr.com/ru/news/1007810/ (дата обращения: 11.02.2026).

[56] Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and Information Technology. 2004. Vol. 6. P. 175–183.

[57] Gless S., Weigend T. Op. cit. S. 565.

[58] Searle J.R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. No. 3. P. 417–418.

Глесс и Вайгенд, анализируя эту проблему применительно к уголовному праву, приходят к выводу, который значим и для цивилистики: «Интеллектуальному агенту недостает существенных элементов личности. Может ли он учиться и принимать непредвидимые другими решения, он не может осознать собственную свободу; и еще меньше он может понимать себя как носителя прав и обязанностей в обществе»[59]. Вместе с тем они допускают, что «если бы интеллектуальных агентов можно было развить также в отношении самосознания и правосознания, этической и эмоциональной восприимчивости, то, конечно, вопрос о том, не следует ли их все же рассматривать как (возможно, способных к вине) правовых лиц, нужно было бы пересмотреть»[60].

Для гражданского права из этих дискуссий следует несколько выводов.

Во-первых, основным субъектом ответственности за вред, причиненный ИИ, остается человек — разработчик, владелец или пользователь.

Во-вторых, по мере роста автономности ИИ доказывать вину конкретного человека (т.е. факт непринятия им разумных мер для предотвращения вреда) становится все сложнее. Возникает соблазн признать ИИ самостоятельным субъектом ответственности, однако большинство цивилистов считают этот путь преждевременным.

В-третьих, альтернативой может служить модель безвиновной ответственности, в частности признание ИИ источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), что позволяет привлекать владельца к ответственности независимо от его вины. Этот подход будет подробно рассмотрен в главе 3.

Глава 2. Модели гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом

2.1. Применимость традиционных деликтных конструкций (ст. 1064, 1079, 1095 ГК РФ) к отношениям с участием ИИ

Российское гражданское право предусматривает несколько оснований для возмещения вреда. Основные конструкции закреплены в статьях 1064, 1079 и 1095 ГК РФ. Применительно к отношениям с участием ИИ каждая из них сталкивается с определенными ограничениями.

---

[59] Gless S., Weigend T. Op. cit. S. 569.

[60] Ibid. S. 570.

Статья 1064 ГК РФ устанавливает общее правило: вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред[6162]. Для возложения ответственности необходимо доказать противоправность поведения, наличие вреда, причинную связь и вину причинителя. Применительно к ИИ доказывание вины становится проблематичным. Как нами было показано в Главе 1, в гражданском праве вина понимается как непринятие лицом всех возможных мер для предотвращения вреда[63]. Однако в случае автономного ИИ определить, кто именно не принял таких мер, часто невозможно. Так разработчик не может предусмотреть все ситуации, с которыми столкнется самообучающаяся система; пользователь не имеет доступа к механизмам принятия решений ИИ; а сам ИИ не обладает волей и сознанием, чтобы осознанно принимать меры к предотвращению вреда.

Выходом может служить применение статьи 1079 ГК РФ об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности[64]. Под источником повышенной опасности понимается деятельность, связанная с использованием транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, взрывчатых веществ и т.п., а также осуществление строительной и иной деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих. Владелец источника повышенной опасности отвечает за причиненный вред независимо от вины. Для освобождения от ответственности необходимо доказать, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего[65].

ИИ-системы, особенно те, что управляют автономными транспортными средствами, промышленными роботами или медицинским

---

[61] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.01.2026).

[62] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=431485&cacheid=D1FD0E21ED6CB363A059B5E50849AEE7&mode=splus&rnd=JPVjgA#Zv9wtLVctUNztznh1 (дата обращения: 08.01.2026).

[63] Суханов Е.А. (отв. ред.) Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. I : Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 606–607.

[64] Гражданский кодекс РФ. Ст. 1079.

[65] Там же.

оборудованием, по своим характеристикам вполне могут быть признаны источником повышенной опасности[66]. Такая квалификация позволяет привлекать владельца ИИ к ответственности без необходимости доказывать его вину. Однако этот подход порождает собственные проблемы. *Во-первых*, не всегда очевидно, кто именно является владельцем ИИ — разработчик, производитель, собственник оборудования или пользователь. *Во-вторых*, при использовании ИИ в качестве «интеллектуального помощника» (например, рекомендательные системы, диагностические программы) причиненный вред может быть не связан с физическим воздействием, что выходит за рамки традиционного понимания источника повышенной опасности[67].

Статья 1095 ГК РФ устанавливает ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги[68]. Вред подлежит возмещению независимо от вины причинителя и независимо от того, состоял потерпевший с ним в договорных отношениях или нет. Применительно к ИИ возникает вопрос: является ли ИИ-система «товаром» или «услугой». Этот вопрос по-разному решается в доктрине и судебной практике. Если ИИ поставляется как самостоятельный программный продукт (например, нейросеть для анализа медицинских изображений), его можно квалифицировать как товар[69]. Если же ИИ предоставляется как сервис через облачную платформу (SaaS), его следует рассматривать как услугу[70]. В любом случае, применение статьи 1095 ГК РФ требует установления недостатка ИИ-системы. Однако в силу «эффекта черного ящика» доказать наличие недостатка (дефекта алгоритма) может быть крайне сложно, особенно если система обучалась в процессе эксплуатации[71].

Таким образом, традиционные деликтные конструкции применимы к отношениям с участием ИИ, но каждая из них требует адаптации и не

---

[66] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования : монография. М. : Юстицинформ, 2025. С. 294.

[67] Там же. С. 284-285.

[68] Гражданский кодекс РФ. Ст. 1095.

[69] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 08.01.2026).

[70] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Указ. соч. С. 289–291.

[71] Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and Information Technology. 2004. Vol. 6. P. 175–183.

лишена недостатков. Статья 1079 ГК РФ нам представляется наиболее подходящей для систем, представляющих физическую опасность (беспилотные автомобили, промышленные роботы). Для систем, причиняющих исключительно экономический или репутационный вред, более уместным может быть применение общих положений о деликтной ответственности или договорных конструкций.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда ИИ-система создается и эксплуатируется в рамках кооперации нескольких юридически самостоятельных лиц. Например, производитель беспилотного автомобиля поставляет платформу, сторонний разработчик — программное обеспечение для распознавания объектов, а владелец осуществляет текущее обслуживание и обновление базы данных. В случае ДТП возникает классическая проблема «распыления ответственности»: каждое из лиц может указывать на то, что вред причинен не по его вине, а из-за недостатков в части, контролируемой другим участником. Российское гражданское право не содержит специальных правил о распределении ответственности между соразработчиками сложной ИИ-системы. По аналогии с практикой ЕС (AI Act, PLD 2024) можно было бы предложить солидарную ответственность всех участников цепочки создания ИИ (разработчик ПО, интегратор, владелец) перед потерпевшим с правом регрессных требований между ними. Однако окончательное решение этого вопроса требует отдельного законодательного закрепления и пока остается на уровне доктринальных дискуссий.

Российская судебная практика уже демонстрирует аналогичный подход применительно к ответственности за недостатки автоматизированных систем, хотя пока и не в чистом виде «ИИ-правоотношений». В деле, рассмотренном Верховным Судом РФ, покупатель приобрел в ЦУМе товары по цене, ошибочно указанной автоматизированной системой ценообразования в 846 раз ниже реальной. Продавец отказался передавать товар, ссылаясь на технический сбой системы. Верховный Суд возложил ответственность на продавца как на профессионального участника оборота (предпринимателя), указав, что он не вправе перекладывать риски, связанные с работой используемых им автоматизированных систем, на потребителя[^48]. Если бы данная автоматизированная система представляла собой ИИ-систему, разработанную третьим лицом, перед судом встал бы тот же вопрос о распределении ответственности между разработчиком алгоритма

(возможный дефект кода) и владельцем системы (продавцом), который использовал ИИ в своей деятельности. Однако Верховный Суд, не углубляясь в технические детали, возложил ответственность на предпринимателя, оставив за ним право регрессного требования к лицу, ответственному за недостатки системы. Этот подход созвучен предложенной выше модели солидарной ответственности участников цепочки создания ИИ перед потерпевшим с последующими регрессными требованиями между ними.[72]

2.2. Распределение ответственности между участниками AI-правоотношений (разработчик, пользователь, иные лица)

В процессе создания и эксплуатации ИИ участвует несколько субъектов: разработчик алгоритмов, производитель оборудования, поставщик данных, владелец системы, пользователь. Распределение ответственности между ними зависит от того, на каком этапе возник дефект и кто имел возможность его предотвратить.

Разработчик (провайдер) отвечает за ошибки, допущенные на этапе проектирования и программирования. Если вред причинен из-за того, что алгоритм изначально содержал дефект, ответственность должен нести разработчик[73]. Однако, как нами уже было указано, чем выше степень автономности ИИ, тем сложнее доказать, что конкретный вред является следствием именно ошибки в коде, а не самостоятельного «решения» системы, возникшего в процессе обучения[74].

Пользователь (владелец) отвечает за ненадлежащее использование ИИ. Если он нарушил инструкции по эксплуатации, не провел необходимое обслуживание или использовал систему не по назначению, ответственность ложится на него[75]. Кроме того, пользователь может быть привлечен к ответственности по правилам об источнике повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) как владелец такого источника[76].

Поставщик данных отвечает за качество данных, используемых для обучения ИИ. Если система причинила вред из-за того, что обучающая

---

[72] Верховный суд встал на сторону россиянина, купившего в ЦУМе вещи в 846 раз дешевле [Электронный ресурс] // Retail.ru. — 2023. — 20 июля. — URL: https://www.retail.ru/news/verkhovnyy-sud-vstal-na-storonu-rossiyanina-kupivshego-v-tsume-veshchi-v-846-raz-20-iyulya-2023-230867/ (дата обращения: 10.03.2026).

[73] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Указ. соч. С. 275–277.

[74] Там же. С. 276-277.

[75] Там же. С. 275.

[76] Там же. С. 283–284.

выборка была нерепрезентативной, содержала ошибки или формировала предвзятость, ответственность может быть возложена на поставщика данных[77]. Однако доказывание причинной связи между дефектом данных и наступившим вредом представляет собой сложную задачу.

В литературе обсуждается несколько моделей распределения ответственности.

Первая модель — солидарная ответственность разработчика и пользователя. Потерпевший вправе предъявить требования к любому из них.

Вторая модель — долевая ответственность, при которой каждый участник отвечает в пределах своей вины.

Третья модель — субсидиарная ответственность, при которой сначала отвечает пользователь, а затем он может предъявить регрессное требование к разработчику.

Для выбора между солидарной, долевой и субсидиарной моделями распределения ответственности необходимо предложить четкие критерии, основанные на степени автономности ИИ. В литературе выделяют три уровня автономности:

1. Полностью контролируемый ИИ, ответственность за который несет пользователь, если он отклонился от инструкций, или разработчик, если алгоритм дал дефектную рекомендацию.
2. ИИ с ограниченной автономностью, при использовании которого распределение ответственности зависит от того, на каком этапе возник вред.
3. Полностью автономный ИИ, для которого наиболее уместна солидарная ответственность разработчика и владельца, поскольку ни один из них не может в полной мере контролировать каждое действие системы.

В российское законодательство целесообразно включить указанные критерии в качестве рекомендательных для судов при решении вопроса о распределении ответственности в каждом конкретном случае.

Европейский законодатель в проекте Директивы об ответственности за ИИ (AI Liability Directive, withdrawn in 2025) предлагал ввести презумпцию причинной связи для облегчения доказывания требований потерпевших. Кроме того, обсуждалось создание компенсационных фондов

---

[77] Там же. С. 196–198.

за счет обязательного страхования ответственности владельцев высокорисковых ИИ-систем[78].

В российском праве специальные правила распределения ответственности за вред, причиненный ИИ, отсутствуют. В судебной практике пока не сформировалось единообразных подходов[79]. В литературе констатируется, что традиционные конструкции (общая и специальная деликтная ответственность) не в полной мере учитывают специфику ИИ, в частности его способность к самообучению и автономному принятию решений[80].

2.3. Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за вред, причиненный ИИ, в праве Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки

Для сравнительно-правового анализа выбраны два правопорядка — Европейский Союз (далее – ЕС) и Соединенные Штаты Америки (далее – США). ЕС является мировым лидером в области нормативного регулирования ИИ: именно здесь принят первый в мире комплексный Регламент об искусственном интеллекте (AI Act) и разрабатывались проекты директив об ответственности за вред, причиненный ИИ. США, в свою очередь, выступают основным центром разработки и внедрения ИИ-технологий, где правовое регулирование формируется преимущественно судебной практикой и доктринальными источниками. Сопоставление этих двух подходов позволяет выявить потенциальные ориентиры для развития российского законодательства.

Европейский Союз и США избрали разные подходы к регулированию ответственности за вред, причиненный ИИ.

Начнем с Европейского Союза. Изначально ЕС двигался по пути разработки специального законодательства об ответственности. В 2022 году Европейская комиссия представила проект Директивы об адаптации норм внедоговорной гражданской ответственности к искусственному

---

[78] Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive), COM/2022/496 final (withdrawn in 2025). Art. 4–5.

[79] Судебная практика применения ИИ в качестве доказательств: как изменились подходы судов в 2026 году [Электронный ресурс] // Система Юрист. — 2026. — 10 апреля. — URL: https://www.law.ru/article/28801-sudebnaya-praktika-primeneniya-ii-v-kachestve-dokazatelstv (дата обращения: 04.02.2026).

[80] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Указ. соч. С. 279–280 .

интеллекту (AI Liability Directive — AILD)[81]. Проект предусматривал два ключевых нововведения,

во-первых, установление презумпции причинной связи: если потерпевший доказал, что ИИ-система допускала нарушение требований (например, требований AI Act) и что это нарушение привело к вреду, бремя доказывания обратного переходит к ответчику;

во-вторых, введение режима раскрытия доказательств: суд мог обязать ответчика раскрыть информацию о функционировании ИИ-системы[82].

В 2025 году проект Директивы об ответственности за ИИ был отозван[83]. Вместо этого приоритет получил риск-ориентированный подход, закрепленный в Регламенте об ИИ (AI Act)[84]. Основной акцент сделан на предотвращение вреда через обязательные требования к высокорисковым ИИ-системам: управление рисками, качество данных, техническая документация, прозрачность, человеческий контроль, точность, робастность и кибербезопасность. Вопросы гражданско-правовой ответственности в AI Act напрямую не регулируются.

В то же время в 2024 году была принята новая Директива об ответственности за некачественную продукцию (Product Liability Directive — PLD)[85]. Она распространяется на программное обеспечение, включая ИИ-системы. Теперь программное обеспечение признается «продуктом», что позволяет привлекать производителей к ответственности за вред, причиненный дефектами ИИ. Потерпевшему достаточно доказать дефект, вред и причинную связь. Однако в случае технической сложности (например, при необъяснимости работы ИИ) суд может применить презумпцию дефекта или причинной связи, если потерпевший покажет, что дефект или связь вероятны (ст. 10(4)). Производитель не несет

---

[81] Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive), COM/2022/496 final.

[82] Ibid. Art. 3–4.

[83] Micallef Grimaud P., Scicluna C., Grima A. The EU's approach to AI liability: From liability-centric reform to risk-based regulation // Chambers and Partners. 2026. 3 March.

[84] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the EU. 2024. L series.

[85] Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products (recast) // Official Journal of the EU. 2024. L series.

автоматического бремени доказывания отсутствия дефекта, но может освободиться от ответственности, доказав обстоятельства из ст. 11.

Теперь рассмотрим законодательство в Соединенных Штатах Америки. В США отсутствует единое федеральное законодательство об ответственности за вред, причиненный ИИ. Регулирование осуществляется на уровне штатов и в рамках общего права (common law). Основными инструментами являются деликтные иски: negligence (небрежность) и strict liability (строгая ответственность за продукцию)[86].

В 2025 году Американский институт права (American Law Institute) разработал Принципы гражданской ответственности за искусственный интеллект (Principles of the Law of Civil Liability for Artificial Intelligence)[87]. Этот документ не имеет обязательной силы, но является авторитетным руководством для судей и законодателей. Принципы предлагают гибкий подход, учитывающий степень автономности ИИ и возможности контроля со стороны человека. Основная идея: ответственность должен нести тот участник, который имел возможность контролировать ИИ и предотвратить вред. Если такой возможности ни у кого не было, ответственность может быть распределена между разработчиком и пользователем[88].

В судебной практике США уже рассматриваются иски, связанные с беспилотными автомобилями, рекомендательными системами и медицинскими диагностическими ИИ, однако на данный момент не сформировалось единообразной практики, хотя и прослеживается тенденция к применению традиционных деликтных доктрин с учетом технологических особенностей ИИ.

Таким образом, мы делаем следующие выводы. ЕС движется к гармонизации ответственности через обновление законодательства о продукции (PLD) и превентивное регулирование (AI Act). США сохраняют децентрализованную модель, основанную на судебном прецеденте и принципах общего права. Оба подхода признают, что традиционные деликтные конструкции нуждаются в адаптации: необходимо облегчать доказывание для потерпевших, определять критерии распределения ответственности между разработчиком и пользователем, учитывать автономность и способность ИИ к самообучению.

---

[86] American Law Institute. Principles of the Law of Civil Liability for Artificial Intelligence. 2025. § 1.02–1.05.

[87] Ibid. Art. 4, 7, 10.

[88] Ibid. § 2.01–2.04.

Для российского законодателя представляет интерес европейский опыт распространения правил об ответственности за продукцию на программное обеспечение и ИИ, а также введение процессуальных презумпций в пользу потерпевшего. Вместе с тем, американский подход с его гибкостью и ориентацией на фактические обстоятельства дела также заслуживает внимания.

Сравнивая два подхода, можно сделать следующий вывод. ЕС предлагает централизованную, жесткую модель с четкими требованиями к высокорисковым системам и презумпциями в пользу потерпевшего, что облегчает доказывание, но создает дополнительную нагрузку на бизнес. США, напротив, сохраняют децентрализованную, гибкую модель, основанную на судебном прецеденте, что позволяет учитывать конкретные обстоятельства каждого дела, но создает неопределенность для участников оборота. Для России, учитывая континентальную правовую систему и стремление к гармонизации с европейскими стандартами, более близким представляется европейский путь, однако с сохранением определенной гибкости, характерной для американского подхода.

Глава 3. Проблемы и перспективы совершенствования российского законодательства об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом

3.1. Проблемные аспекты действующего российского законодательства в исследуемой сфере

Проведенный в предыдущих главах анализ позволяет выделить несколько проблемных аспектов действующего российского законодательства, препятствующих эффективному распределению ответственности за вред, причиненный ИИ.

Первая проблема — отсутствие легального определения ИИ для целей ответственности. Как показано в главе 1, дефиниции ИИ содержатся в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта и в Федеральном законе № 123-ФЗ. Однако эти определения носят общий технологический характер и не учитывают особенности распределения ответственности. В Стратегии 2030 ИИ определяется как «комплекс технологических решений», в Законе № 123-ФЗ — как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека». Ни то, ни другое определение не позволяет разграничить случаи, когда ИИ действует как простой инструмент (и тогда отвечает пользователь) и когда его автономность столь высока, что

требуется перераспределение ответственности между разработчиком и пользователем.

Вторая проблема — неопределенность правового статуса ИИ в системе объектов гражданских прав. Статья 128 ГК РФ содержит закрытый перечень объектов гражданских прав. ИИ в этом перечне прямо не назван. В доктрине высказываются разные позиции: одни авторы относят ИИ к результатам интеллектуальной деятельности, другие — к сложным объектам, третьи — к информации. Эта неопределенность порождает практические сложности при заключении договоров, связанных с разработкой и передачей ИИ, а также при определении того, кто именно является надлежащим ответчиком в деликтных обязательствах[89].

Третья проблема — неприменимость или ограниченная применимость традиционных деликтных конструкций к автономным ИИ-системам. Как показано в параграфе 2.1, общий деликт (ст. 1064 ГК РФ) требует доказывания вины причинителя вреда. В случае автономного ИИ доказать вину конкретного человека (разработчика или пользователя) сложно или невозможно. Конструкция источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) не требует вины, но не охватывает случаи причинения чисто экономического вреда. Ответственность за недостатки товара (ст. 1095 ГК РФ) применима к ИИ, но требует установления дефекта системы, что в условиях «эффекта черного ящика» затруднительно.

Четвертая проблема — отсутствие специальных норм об ответственности за вред, причиненный ИИ, в Гражданском кодексе РФ. Действующий ГК РФ не содержит норм, учитывающих автономность ИИ и его способность к самообучению. В литературе справедливо отмечается, что традиционные правила о вине и причинной связи разработаны для отношений, в которых участвуют люди, а не самообучающиеся машины[90]. Восполнение этого пробела требует либо внесения изменений в действующий ГК РФ, либо принятия отдельного федерального закона.

Пятая проблема — проблема доказывания потерпевшим обстоятельств, имеющих значение для возмещения вреда. По общему правилу, бремя доказывания вреда, причинной связи и вины лежит на потерпевшем. Однако в случае вреда, причиненного ИИ, потерпевший, как

---

[89] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Указ. соч. С. 21–23.

[90] Gless S., Weigend T. Intelligente Agenten und das Strafrecht // ZStW. 2014. Bd. 126. H. 3. S. 564–565; Matthias A. The responsibility gap // Ethics and Information Technology. 2004. Vol. 6. P. 180–182.

правило, не имеет доступа к информации о внутренних алгоритмах системы, об обучающей выборке, о логике принятия решений. Это создает ситуацию, в которой потерпевший не может выполнить требования общего деликта, что делает его право на возмещение вреда практически неосуществимым.

Шестая проблема — отсутствие единообразной судебной практики. В России пока нет дел, в которых суды рассматривали бы вопросы ответственности за вред, причиненный именно автономными ИИ-системами. Отдельные споры, связанные с рекомендательными системами или диагностическими программами, рассматривались в рамках общих норм о защите прав потребителей или о качестве услуг. Единообразных подходов к распределению ответственности между разработчиком и пользователем не сформировано.

Седьмая проблема — отсутствие обязательного страхования ответственности за вред, причиненный ИИ. В отличие от владельцев транспортных средств, операторов опасных производственных объектов или некоторых медицинских работников, владельцы ИИ-систем не обязаны страховать свою ответственность. Это создает риск того, что даже при установлении ответственного лица у него может не оказаться достаточных средств для возмещения вреда, особенно если речь идет о массовом причинении вреда (например, при сбое в работе автопилота или медицинской диагностической системы).

Таким образом, действующее российское законодательство не готово к эффективному регулированию отношений, связанных с причинением вреда автономными ИИ-системами. Выявленные проблемы требуют комплексного решения — как на уровне изменения общих норм ГК РФ, так и на уровне принятия специального законодательства. Конкретные направления совершенствования правового регулирования будут рассмотрены в следующем параграфе.

Перечисленные семь проблем взаимосвязаны и усиливают друг друга. Отсутствие легального определения ИИ порождает неопределенность его статуса, что влечет неприменимость традиционных деликтных конструкций, а отсутствие специальных норм, в свою очередь, создает проблемы доказывания для потерпевших и ведет к отсутствию единообразной судебной практики. Разорвать этот порочный круг можно только системными законодательными изменениями, которые должны

затронуть как материальное, так и процессуальное право. Ниже предлагаются конкретные направления таких изменений.

3.2. Направления совершенствования гражданско-правового регулирования ответственности за вред, причиненный ИИ (предложения de lege ferenda)

На основе анализа предыдущих глав, мы сформировали ряд изменений в российское гражданское законодательство, направленных на устранение выявленных пробелов и адаптацию института ответственности к специфике ИИ-систем.

Первое направление — легальное определение ИИ для целей ответственности. Действующие определения в Стратегии 2030 и Законе № 123-ФЗ носят общий технологический характер. Для целей распределения ответственности необходимо закрепить в Гражданском кодексе РФ определение, акцентирующее степень автономности ИИ. В литературе предлагается выделять две категории ИИ-систем: полностью контролируемые человеком (где отвечает пользователь) и автономные, способные к самообучению (где ответственность распределяется между разработчиком и пользователем)[91].

По этой причине мы считаем целесообразным включить следующее определение в отдельную статью ГК РФ, дополнив главу 6 «Объекты гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ) новой статьей 128.1 «Искусственный интеллект»: искусственный интеллект — основанная на методах машинного обучения информационно-вычислительная система, обладающая способностью к автономной обработке информации и самообучению, действующая в рамках заложенных алгоритмов и поставленных человеком целей. Для целей ответственности необходимо также ввести классификацию ИИ-систем по степени автономности. Такое размещение обусловлено тем, что ст. 128 ГК РФ содержит открытый перечень объектов гражданских прав (вещи, имущественные права, результаты работ, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и др.). Искусственный интеллект как комплекс технологических решений не вписывается в существующие категории, но его правовой статус должен быть определен именно на уровне объектов гражданских прав, поскольку он не обладает признаками субъекта права (сознанием, волей,

[91] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования. М., 2025. С. 294–295.

саморефлексией). Включение ИИ в систему объектов гражданских прав через специальную статью 128.1 позволит:

во-первых, легализовать участие ИИ-систем в имущественном обороте;

во-вторых, создать основу для распределения ответственности между разработчиком, владельцем и пользователем;

в-третьих, устранить неопределенность, возникающую при попытках квалифицировать ИИ как программу для ЭВМ или базу данных по ст. 1225 ГК РФ.

Второе направление — введение специальной статьи об ответственности за вред, причиненный ИИ. Целесообразно дополнить главу 59 ГК РФ статьей 1079.1, устанавливающей особенности ответственности за вред, причиненный автономными ИИ-системами. Мы считаем необходимым в данной статье закрепить 3 вида ответственности:

1. объективную ответственность владельца ИИ, при которой владелец отвечает независимо от вины, если ИИ-система относится к категории высокого риска. Для освобождения от ответственности необходимо доказать, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Эта модель может быть реализована по аналогии со ст. 1079 ГК РФ;

2. ответственность разработчика за дефекты ИИ, которая закрепляет, что если вред причинен из-за недостатков алгоритма, обучающей выборки или архитектуры ИИ, отвечает разработчик. При этом потерпевший должен доказать наличие дефекта, вред и причинную связь, а бремя доказывания отсутствия дефекта лежит на разработчике (по аналогии со ст. 1095 ГК РФ);

3. распределенную ответственность, которая применяется при высокой степени автономности ИИ и распределяется между разработчиком и пользователем в зависимости от возможности предотвратить вред. Эта модель требует судебного усмотрения и может быть закреплена в качестве диспозитивной нормы.

Третье направление — введение процессуальных презумпций для облегчения доказывания. Потерпевший часто не имеет доступа к информации о внутренних алгоритмах ИИ, обучающей выборке и логике

принятия решений. Целесообразно закрепить в законе следующие презумпции[92]:

1. презумпция причинно-следственной связи. Если потерпевший доказал, что вред наступил в процессе использования ИИ-системы и что система не соответствовала обязательным требованиям российского права, бремя доказывания отсутствия причинной связи переходит на ответчика;

2. презумпция дефекта. В случае технической сложности ИИ-системы потерпевшему достаточно доказать, что вред является обычным последствием функционирования такой системы; бремя доказывания отсутствия дефекта лежит на ответчике;

3. право потерпевшего на раскрытие информации. Суд вправе обязать разработчика или владельца ИИ раскрыть информацию о функционировании системы, необходимую для установления причинной связи или наличия дефекта, с сохранением коммерческой тайны.

Важным нововведением, регулирующим использование ИИ в доказывании, стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 года № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». Пункт 42 этого постановления устанавливает: «Участвующие в деле лица, представившие в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду»[93]. Данное правило, хотя и не вводит презумпций в пользу потерпевшего, тем не менее облегчает его процессуальное положение. Во-первых, обязанность раскрыть информацию о применении ИИ при получении доказательства ложится на сторону, которая это доказательство представляет. Во-вторых, суд, зная о «машинном» происхождении сведений, может критически оценить их достоверность и, в случае необходимости, потребовать дополнительные разъяснения или назначить экспертизу. В-третьих, если сторона скрыла факт использования ИИ и представила сгенерированный текст или изображение как результат человеческой деятельности, это может повлечь

---

[92] Подробнее см.: Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive), COM/2022/496 final (withdrawn in 2025). Art. 3–4. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0496 (дата обращения: 24.02.2026).

[93] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534842/ (дата обращения: 01.06.2026). — Доступ из справ.-правовой системы.

признание доказательства недопустимым (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ) и квалифицироваться как злоупотребление процессуальными правами. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ сделал важный шаг в направлении процессуальной транспарентности, что согласуется с предлагаемыми нами презумпциями и правом потерпевшего на раскрытие информации о функционировании ИИ-системы.

Четвертое направление — обязательное страхование ответственности владельцев высокорисковых ИИ-систем. По аналогии с обязательным страхованием автогражданской ответственности (ОСАГО) целесообразно ввести обязательное страхование ответственности для ИИ-систем. Страхование позволит гарантировать возмещение вреда потерпевшим даже в случае, если виновное лицо не имеет достаточных средств. Размер страховой суммы должен определяться в зависимости от степени риска, создаваемого ИИ-системой.

Эффективность предлагаемого обязательного страхования ответственности невозможна без четкого определения перечня ИИ-систем, подлежащих страхованию. По аналогии с Федеральным законом об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта[94] целесообразно создать публичный реестр высокорисковых ИИ-систем. Ведение такого реестра могло бы осуществляться уполномоченным органом (например, Минцифры России или Роскомнадзор) на основании заявления разработчика или владельца. Критериями отнесения ИИ к высокорисковым следует признать:

1. возможность причинения вреда жизни или здоровью при выходе системы из-под контроля;
2. масштаб потенциального вреда (число потенциальных потерпевших);
3. степень автономности ИИ (способность действовать без вмешательства человека в течение длительного времени).

---

[94] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (ред. от 04.08.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495924&cacheid=3E8AC77EF6C75365396C3956FAFFBF94&mode=splus&rnd=JPVjgA#SW2ytLVDtExoqoR6 (дата обращения: 08.01.2026).

Включение ИИ-системы в реестр должно влечь обязанность владельца заключить договор страхования ответственности. Размер страховой суммы следует дифференцировать в зависимости от категории риска.

Пятое направление — внесение изменений в статью 1225 ГК РФ. Поскольку ИИ-система представляет собой сложный объект, включающий программы для ЭВМ, базы данных, ноу-хау и иные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, целесообразно прямо включить ИИ в перечень охраняемых объектов или признать его сложным объектом по аналогии со ст. 1240 ГК РФ.

Заключение

Данное исследование показало, что российское гражданское законодательство не готово к эффективному регулированию ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом. Главная причина — отсутствие легального определения ИИ, учитывающего степень его автономности. Действующие дефиниции носят общий технологический характер и не позволяют разграничить случаи, когда ИИ выступает простым инструментом, за который отвечает пользователь, и ситуации, когда его автономность требует перераспределения ответственности между разработчиком и пользователем.

Традиционные деликтные конструкции (ст. 1064, 1079, 1095 ГК РФ) применимы к ИИ лишь частично. Общий деликт требует доказывания вины, что при автономных системах затруднительно. Источник повышенной опасности не требует вины, но не охватывает чисто экономический вред. Ответственность за недостатки товара упирается в проблему «черного ящика» — доказать дефект самообучающейся системы крайне сложно.

В доктрине обсуждаются солидарная, долевая и субсидиарная модели распределения ответственности между разработчиком и пользователем. Однако в российском праве специальных правил нет. Европейский Союз движется к гармонизации через обновление законодательства о продукции (PLD 2024 г., распространяющееся на ПО и ИИ) и превентивное регулирование (AI Act). США сохраняют децентрализованную модель, основанную на судебном прецеденте, при этом в 2025 г. разработаны Принципы гражданской ответственности за ИИ (ALI).

Для России предлагается: закрепить в ГК РФ определение ИИ в главу 6 «Объекты гражданских прав» новой статьей 128.1, акцентирующее степень автономности; ввести статью 1079.1 ГК РФ с тремя моделями

ответственности (объективная владельца, за дефекты разработчика, распределенная); установить процессуальные презумпции причинной связи и дефекта, а также право потерпевшего на раскрытие информации; ввести обязательное страхование ответственности владельцев высокорисковых ИИ-систем; включить ИИ в перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ). Эти меры позволят устранить пробелы и создать сбалансированный механизм ответственности.

Резюмируя, можно утверждать, что проблема гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, не имеет простого решения. Нельзя ни полностью игнорировать специфику автономных систем, оставляя их в рамках традиционных конструкций, ни поспешно наделять ИИ правами и обязанностями, создавая фиктивные квазисубъекты. Оптимальный путь — это сочетание объективной ответственности владельца (по аналогии с источником повышенной опасности) для высокорисковых систем, ответственности разработчика за дефекты алгоритмов и процессуальных механизмов, облегчающих доказывание для потерпевших. Только такой комплексный подход способен обеспечить баланс интересов всех участников AI-правоотношений.

Дополнительно следует отметить, что перечень предложенных изменений не может быть исчерпывающим: стремительное развитие технологий ИИ (в частности, появление агентных систем и мультиагентных сред) уже сегодня ставит новые вопросы, не укладывающиеся ни в одну из рассмотренных моделей. По этой причине любое законодательное решение должно предусматривать механизм регулярного пересмотра критериев отнесения ИИ к высокорисковым, а также гибкость правовых норм, допускающую их адаптацию к технологическим инновациям без принятия каждый раз нового закона.

Библиография

Литература

1. American Law Institute. Principles of the Law of Civil Liability for Artificial Intelligence. – 2025. – 180 p.
2. Cuthbert O. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Arabnews. – 2017. – 26 October. – URL: https://www.arabnews.com/node/1183166/saudi-arabia (дата обращения: 12.01.2026).
3. Davies A. Google's Self-Driving Car Caused Its First Crash // Wired. -- 2016. – 29 Feb. – URL: https://www.wired.com/2016/02/googles-self-driving-car-may-caused-first-crash (дата обращения: 18.12.2025).
4. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products (recast) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L series.
5. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. – 2018. – C 252. – P. 239-257. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=oj:JOC_2018_252_R_0026 (дата обращения: 17.01.2026).
6. FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017, S. 2217, 115th Cong. (2017). – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217 (дата обращения: 11.01.2026).
7. Gless S., Weigend T. Intelligente Agenten und das Strafrecht // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. – 2014. – Bd. 126. – H. 3. – S. 561-598.
8. Klein A. Tesla driver dies in first fatal autonomous car crash in US // New Scientist. – 2016. – 1 July. – URL: https://www.newscientist.com/article/2095740-tesla-driver-dies-in-first-fatal-autonomous-car-crash-in-us (дата обращения: 18.12.2025).
9. Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and Information Technology. – 2004. – Vol. 6. – P. 175-183.
10. Micallef Grimaud P., Scicluna C., Grima A. The EU's approach to AI liability: From liability-centric reform to risk-based regulation // Chambers and Partners. – 2026. – 3 March. – URL: https://chambers.com/articles (дата обращения: 11.01.2026).

11. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Cambridge : Harvard University Press, 2015. – 320 p.
12. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive), COM/2022/496 final (withdrawn in 2025). – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0496 (дата обращения: 24.02.2026).
13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L series.
14. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 3rd ed. – London : Pearson, 2014. – 1132 p.
15. Searle J.R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3. – No. 3. – P. 417--457.
16. Басангов Д.А. Искусственный интеллект в судебной практике зарубежных государств // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 124-131.
17. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л.Ю. Василевская. – М. : Проспект, 2021. – 320 с.
18. Евстратов А.Э., Гученков И.Ю. Пределы применения искусственного интеллекта (правовые проблемы) // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 12-21.
19. Згуровский М.З., Зайченко Ю.П. Основы вычислительного интеллекта. – Киев : б.и., 2013. – 406 с.
20. ИИ-агент Alibaba обошёл ограничения и начал майнить крипту на тренировочных GPU [Электронный ресурс] // Habr. – 2026. – 7 марта. – URL: https://habr.com/ru/news/1007810/ (дата обращения: 11.02.2026).
21. Как 45 минут терять по $172 222 в секунду [Электронный ресурс] // Habr. – 2013. – 23 окт. – URL: https://habr.com/ru/articles/198766/ (дата обращения: 23.01.2026).

22. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2019. – 189 с.
23. Рожкова М.А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? // Закон.ру. – 2019. – 23 ноября. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__chto_eto_takoe_ili_kto_eto_takie (дата обращения: 05.01.2026).
24. Ручкин В.Н., Фулин В.А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. – СПб. : БХВ-Петербург, 2009. – 240 с.
25. Савельев А.И. Модели машинного обучения: в поисках места в системе интеллектуальной собственности // Закон. – 2026. – № 1. – С. 70-77.
26. Суханов Е.А. (отв. ред.) Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. I : Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
27. Фетисов В. Власти ЮАР использовали ИИ при создании закона о регулировании ИИ – результат предсказуем [Электронный ресурс] // 3DNews. – 2026. – 5 мая. – URL: https://3dnews.ru/1141170/vlasti-yuar-ispolzovali-ii-pri-sozdanii-zakona-o-regulirovanii-raboti-ii-rezultat-predskazuem (дата обращения: 09.01.2026).
28. Харитонова Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования : монография. – М. : Юстицинформ, 2025. – 332 с.

Нормативные документы

29. ГОСТ 15971-90. Системы обработки информации. Термины и определения : [принят и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 26.10.1990 № 2698] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=7062 (дата обращения: 05.01.2026).
30. ГОСТ Р 43.0.8-2017. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Естественный и искусственный интеллект. Основные понятия и система терминов : [утв. и введ. в действие Приказом Росстандарта от 28.11.2017 № 1821-ст] // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL:

https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=22567 (дата обращения: 05.01.2026).
31. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.01.2026).
32. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 08.01.2026).
33. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.01.2026).
34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534842/ (дата обращения: 01.06.2026). – Доступ из справ.-правовой системы.
35. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15 февраля 2024 г.) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 05.01.2026).
36. Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений...» // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963/ (дата обращения: 05.01.2026).
37. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 21.12.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 08.01.2026).

38. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (ред. от 04.08.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». -- URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495924 (дата обращения: 08.01.2026).
39. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента...» (ред. от 31 декабря 2025 г.) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499813 (дата обращения: 05.01.2026).

Судебно-арбитражная практика

40. Верховный суд встал на сторону россиянина, купившего в ЦУМе вещи в 846 раз дешевле [Электронный ресурс] // Retail.ru. – 2023. – 20 июля. – URL: https://www.retail.ru/news/verkhovnyy-sud-vstal-na-storonu-rossiyanina-kupivshego-v-tsume-veshchi-v-846-raz-20-iyulya-2023-230867/ (дата обращения: 10.03.2026).
41. В Москве пресечена деятельность группы лиц, распространявших заведомо ложные сведения о предпринимателях с использованием IT-технологий [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета РФ. – 2023. – 14 марта. – URL: https://sledcom.ru/news/item/1753678/ (дата обращения: 22.01.2026).
42. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2026 по делу № А40-251278/2022 // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 09.06.2026). – Режим доступа: по номеру дела.
43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=431485 (дата обращения: 08.01.2026).
44. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 09.12.2025 по делу № А32-65585/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. Решение Арбитражного суда Приморского края от 17.02.2026 по делу № А51-16042/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
46. Решение Арбитражного суда Республики Калмыкия от 14.02.2025 по делу № А22-447/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
47. Судебная практика применения ИИ в качестве доказательств: как изменились подходы судов в 2026 году [Электронный ресурс] // Система Юрист. – 2026. – 10 апреля. – URL: https://www.law.ru/article/28801-sudebnaya-praktika-primeneniya-ii-v-kachestve-dokazatelstv (дата обращения: 04.02.2026).